

Оригинальная статья
УДК 81.42
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-6-133-145>

Поэтический дискурс как синергийное пространство репрезентации аксиологической системы

Инна Петровна Черкасова

Московский государственный университет технологий и управления
им. К. Г. Разумовского (ПКУ), Москва, Россия,
inna_cherkasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3238-8148>

Введение. Статья посвящена изучению специфики поэтического дискурса как синергийной системы, нацеленной на репрезентацию аксиологических доминант. Дискурс представлен как сложное структурно-семантическое образование, актуализация взаимодействия языковых средств текста с экстралингвистическими факторами.

Методология и источники. Методологической основой выступают идеи и разработки отечественных и зарубежных авторов в области теории дискурса (В. З. Демьянков, В. И. Карасик, А. В. Олянич, Ю. С. Степанов, Т. А. ван Дейк и др.), лингвоконцептологии и лингвокультурологии (С. Г. Воркачев, Н. А. Красавский, В. А. Маслова, Г. Г. Слышкин и др.), когнитивной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова и др.), лингвистической синергетики (В. Ю. Барбазюк, В. Г. Буданов, В. Л. Малахова и др.) и филологической герменевтики (Г. И. Богин, В. П. Литвинов, С. Н. Бредихин и др.). Материалом явились поэтические тексты авторов XIX–XX вв. (А. Тарковский, Р. М. Рильке, Э. Дикинсон и др.). Методы анализа: частотный, контекстуальный, лингвистико-герменевтический, техника кристаллизации смысла.

Результаты и обсуждение. Центральным и основополагающим в поэтическом дискурсе является метаконцепт гуманизма, реализуемый в текстах посредством различных образов, концептов и концептосфер, которые выступают как аксиологические координаты бытия, выявляемые с помощью количественного и качественного анализа. Аксиологические доминанты вербализуются в соответствии с характером и своеобразием материальной, духовной и социальной культуры, в тесной связи с лингвистическими и прагматическими составляющими. Языковая палитра подтверждает тот факт, что гуманизм подразумевает нацеленность на утверждение блага человека, а также его способность к творческому мышлению, оценке происходящего и преображению реальности с учетом многообразия существующих в мире взаимосвязей и взаимозависимостей.

Заключение. Поэтическое пространство формирует альтернативную реальность человека, опирающуюся на аксиологическую систему координат, имеющую большой спектр функций: мыслительную, эстетическую, прогнозирующую, деонтическую и др. Языковая специфика, опирающаяся на единство взаимодействующих языковых уровней, нацелена на формирование синергийного мировосприятия и творческого мышления.

Ключевые слова: дискурс, поэзия, аксиология, концепт, доминанта, гуманизм, смысл

Для цитирования: Черкасова И. П. Поэтический дискурс как синергийное пространство репрезентации аксиологической системы // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 6. С. 133–145. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-133-145.

© Черкасова И. П., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Poetic Discourse as a Synergistic Space for Expressing a System of Values

Inna P. Cherkasova

K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management
(the First Cossack University), Moscow, Russia,
inna_cherkasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3238-8148>

Introduction. The article is devoted to the study of poetic discourse as a synergistic system aimed at representing axiological dominants. The discourse is presented as a complex structural and semantic formation, actualization of the interaction of text structures with extralinguistic factors.

Methodology and sources. The methodological basis is the ideas and developments of the researchers in the field of discourse theory (V.Z. Demyankov, V.I. Karasik, A.V. Olyanich, Yu.S. Stepanov, T.A. van Dijk, etc.), linguoconceptology and linguoculturology (S.G. Vorkachev, N.A. Krasavsky, V.A. Maslova, G.G. Slyshkin, etc.), cognitive linguistics (N.D. Arutyunova, N.N. Boldyrev, E.S. Kubryakova, etc.), linguistic synergetics (V.Y. Barbazyuk, V.G. Budanov, V.L. Malakhova, etc.) and philological hermeneutics (G.I. Bogin, V.P. Litvinov, S.N. Bredikhin, etc.). The analysis was carried out by means of contextual and linguistic-hermeneutic methods, quantitative analysis techniques, crystallization technique.

Results and discussion. The main thing in poetic discourse is the metaconcept of humanism, implemented in texts through various images, concepts and conceptospheres, which act as axiological system identified through quantitative and qualitative analysis. Axiological dominants are verbalized in accordance with the uniqueness of spiritual and social culture, in close connection with linguistic and pragmatic components. Linguistic structures confirm the fact that humanism implies the ability of people to think creatively, assess the dynamics of the world, and transform reality, taking into account the diversity of existing relationships and interdependencies in the world.

Conclusion. Poetry creates an alternative human reality based on an axiological system with a wide range of functions, including: a mental function, an aesthetic function, a predictive function, a deontic function. Language specificity, based on the synergy of language levels, is aimed at forming a synergistic worldview and human creative thinking.

Keywords: discourse, poetry, axiology, concept, dominant, humanism, meaning

For citation: Cherkasova, I.P. (2025), "Poetic Discourse as a Synergistic Space for Expressing a System of Values", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 6, pp. 133–145. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-6-133-145 (Russia).

Введение. Поэтический дискурс представляет собой сложный и многогранный феномен, занимающий особое место в системе дискурсивных исследований. Несмотря на многовековую историю поэтических текстов и многочисленные труды в этой области (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Л. В. Витковская, М. М. Гиршман, Н. О. Гучинская, В. М. Жирмунский, Ю. М. Лотман, А. А. Потебня, Г. И. Ратгауз, Е. Г. Эткинд, Р. О. Якобсон и др.), исследователи вновь и вновь называют его структурно-семантическую организацию загадочной (Ю. М. Лотман, В. П. Литвинов и др.). Смысловая компрессия и символика, метафорические структуры и аллегории, экспрессия и гармония, множественность точек рефлексии и способов кристаллизации смысла лежат в основе поэтической философии как особого синергийного видения мира. Аристотель отмечал, что поэзия содержит в себе больше «фи-

лософского и серьезного элемента, чем история: она представляет более общее, а история – частное» [1, с. 51]. Р. Якобсон определял поэзию как «язык в его эстетической функции» [2, с. 218, 275]. А. А. Потебня, опираясь на синтез внешней формы, внутренней формы и содержания, прослеживал тесную связь, существующую между словом (языком), поэзией, пластическими искусствами, музыкой, религией и философией [3, с. 190–195]. Будучи многоплановым структурно-семантическим образованием, поэтический текст выступает как «вызов» мышлению, заставляя его искать новые системы оценок и аналогий. «Мышление не мыслит, если оно согласно», – справедливо писал в этой связи В. П. Литвинов [4, с. 26]. Результатом мыслительного процесса становится изменение значений, понятий, трансформация логических пространств, определяющих смыслообразование [4, с. 310]. В системе дискурсивных исследований (Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, В. В. Красных, А. В. Олянич, Ю. С. Степанов, Т. А. ван Дейк и др.) поэтический дискурс является одним из наименее изученных с точки зрения структурных, языковых и аксиологических особенностей бытования.

Результаты и обсуждение. Сопоставление основополагающих характеристик поэтического и иных типов дискурса позволяет говорить о лингвокультурной специфике поэзии, лежащей в основе вневременной значимости ее текстов. Если в центре внимания научного дискурса находится аксиологическая доминанта *знание*, в фокусе медицинского дискурса – *здравье*, медиадискурс акцентируется на *социальному взаимодействии*, рекламный дискурс (в его идее и идеальном воплощении) – на *качестве жизни (продукта)*, экологический дискурс – на *гармонии взаимодействия человека с природой*, то в сфере внимания поэтического дискурса находится метаконцепт *гуманизм*, понимаемый как «признание ценности человека как личности, его право на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений» [5], осмысление сути и функционального потенциала человеческого бытия. Специфика основополагающего метаконцепта определяет особенности рефлексии, своеобразие концептосферы и используемый для реализации «поставленных задач» языковой ресурс. Однозначности лексики научного дискурса (В. И. Карасик, М. Ю. Мироненко, Ю. Н. Науменко, Н. К. Рябцева, А. О. Стеблецова, И. П. Хутыз и др.) противостоит открытый для интерпретаций потенциал поэтического дискурса (Ю. М. Лотман, И. В. Сосновская, О. М. Филатова и др.), манипулятивному пространству воздействия медиа- и рекламного дискурса (М. Р. Желтухина, В. А. Буряковская, Т. Г. Добросклонская, Л. В. Судина и др.) – рефлексия поэтического мира (Г. И. Богин, И. А. Воробей, В. П. Литвинов и др.), конкретности экологического и медицинского типов (А. В. Зайцева, Н. А. Красильникова, Ф. Л. Косицкая и др.) – образность поэтической сферы (П. С. Иванов, Е. И. Малышева, С. А. Щербаков и др.), нейтральной лексике научного дискурса, ограниченно-оценочной (позволяющей прогнозировать палитру и результат оценки) рекламного и медиадискурса – деонтическая оценка поэтического дискурса [6]. Если диалогическое пространство медицинского, экологического, рекламного и других институциональных типов дискурса [7] нацелено в большей степени на коммуникацию в условиях синхронии и теряет в значительной степени свою актуальность с течением времени, то поэтический дискурс демонстрирует вневременную значимость как в аксиологической системе синхронии, так и в диахронической коммуникации, открывая способность сохранять одни смыслы и постепенно утрачивать другие.

Следует также отметить высокий синергийный потенциал поэтического текста, позволяющий демонстрировать единство и неотделимость различных сторон и пространств бытия, приращение смысла в результате взаимодействия и взаимовлияния языковых единиц и структур. Н. Ф. Алефиренко, анализируя лирико-прозаический дискурс, пишет о нем: «Из хаоса мыслей и чувств, из смутных и спонтанно рождающихся образов возникает упорядоченная художественным мышлением красота, гармония мысли, чувства и слова» [8, с. 7]. Рассмотрим на примерах специфические черты поэтического дискурса.

*Зеленые рощи, зеленые рощи,
Вы горькие правнуки древних лесов,
Я – брат ваши, лишенный наследственной моици,
От вас ухожжу, задвигаю засов.*

(А. Тарковский [9, с. 33].)

Так, в стихотворении А. Тарковского «Зеленые рощи, зеленые рощи...» аллитерации и ассонанс, повторы и метафоры формируют новую точку рефлексии, которая способствует переосмыслинию отношений и связей, существующих между человеком и природой. Сопряжение различных перцептивных и понятийных пространств (*горькие правнуки, правнуки лесов, Я – брат ваши, От вас ухожжу и др.*), нарушает привычный формат мыследеятельности и заставляет читателя совместить различные плоскости восприятия и мышления. В результате открывается возможность видения проблематики одновременно как в проекции синхронии, так и в плоскости диахронии, позволяющая провести параллель и показать взаимосвязи, существующие между живыми мирами. Одновременно новизна ракурса, апеллирующая к образному восприятию (*Зеленые рощи, ... От вас ухожжу, задвигаю засов*), акцентирует неизменную роль аксиологической доминанты *природа* в системе ценностей человека.

*Ich bin zu Hause zwischen Tag und Traum.
Dort wo die Kinder schläfern, heiß vom Hetzen,
dort wo die Alten sich zu Abend setzen,
und Herde glühn und hellen ihren Raum.*

(Р. М. Рильке [10, с. 56].)

Посредством использования звуковой палитры, экспрессивных лексических единиц и структур (*heiß vom Hetzen, Herde glühn* и др.), зевгмы (*zwischen Tag und Traum*) формируются личностно переживаемые образы и генерируется ощущение причастности читателя происходящему. Введение частотной лексики, характерной для бытового (и многих других) вида дискурса, образов бытового дискурса, но при этом изменение стереотипных для данного ситуативного контекста лексических структур – все эти приемы способствуют кристаллизации объемного и многомерного пространства дома (*Ich bin zu Hause*). Учитывая тот факт, что дом выступает в качестве одной из важнейших аксиологических координат любой культуры, авторские образы получают сопряжение с необозримым пластом индивидуальной читательской рефлексивной реальности.

Понять уровень смысловой компрессии и возможности интерпретативного потенциала позволяет сопоставление переводов, говорящих о разнице культур и языковых систем, но одновременно об универсальности мыследеятельности как принципа и единстве аксиологических координат как основ общечеловеческого бытия.

*Я дома между днем и сновиденьем,
Где дети спят, горячие, побегав.
Где старшие сидят. Где вечер – лекарь,
И печи освещают помещенье.*

(Перевод О. Лебединской [11].)

*Я дома между вечером и днем,
Где дети дремлют от игры устав в ловитки,
Где старики сидят под вечер у калитки,
Горит очаг и освещает дом.*

(Перевод А. Равиковича [12].)

Существенная разница текстов демонстрирует личностные ограничения призмы восприятия переводчиков (понятийные, лексические и др.) и широту интерпретационного поля текста оригинала в целом.

*The Soul selects her own Society –
Then – shuts the Door –
To her divine Majority –
Present no more.*

(E. Dickinson [13, p. 8].)

Взаимодействие разных уровней видения мира (физический, духовный и др.) (*The Soul, the Door*) рождает неповторимые поэтические образы. Аллитерации, метафоры (*The Soul selects her own Society* и др.) и уникальный авторский синтаксис формируют сопряжение пространств рецепции и воображения, объединяющее восприятие внешнего и внутреннего миров личности, открывают взаимосвязи и взаимозависимости пространств, их взаимопроникновение в перцептивном универсуме рефлексии. Г. И. Богиным выделены три вида рефлексии: 1) рефлексия над опытом памяти при семантизирующем понимании; 2) рефлексия над опытом знания при когнитивном понимании; 3) рефлексия над опытом значащих переживаний при распредмечивающем понимании [14]. Поэтический текст вовлекает одновременно все виды рефлексии в процесс восприятия и переживания информации. В результате при сохранении образов происходит динамика смыслового поля «текст оригинала – текст перевода», опирающаяся на специфику языковой системы, структуру и особенности рефлексивной реальности и интенцию переводчика:

*Душа свое общество выберет лично –
И – дверь запрет –
Никто в ее божественность –
Уж не войдет –*

(Перевод Е. Камаевой [15].)

Душа сама выбирает общество,

И дверь закрой!

И большие ее высочество

Не беспокой!

(Перевод Б. Львова [16].)

Неизбежные переводческие трансформации лежат в основе динамики смыслов в рамках поля «текст – реципиент».

Интертекстуальный потенциал и обращение к прецедентным феноменам обеспечивает возможность одновременно хранить культурный код и открывать его для читателей многих поколений. Высокая компрессия эсценциального смысла, характерная для поэтического дискурса, позволяет представить христианские образы в неповторимом свете, что делает смысл глубоким, персональным, многогранным и неисчерпаемым одновременно. Народные герои и Святые выступают в поэтических текстах прежде всего как символы веры, надежды, народных упований.

*К Николаю-чудотворцу,
Мирликийскому святому,
Караван тащился русский,
А вести пришло Толстому.
Все надежды, все надежды
В Алексее, царском сыне!
К Николаю-чудотворцу
Караван его подходит...*

(К. Случевский [17, с. 188].)

Так, образ-смысл *Николай Чудотворец* в стихотворении К. Случевского «О царевиче Алексее» определяет художественный мир, формирует аксиологическую парадигму, прецедентное имя создает интертекстуальное пространство, восходящее к древнейшим славянским рукописям [18], способствует утверждению первичности мира духовного по отношению к миру земному, иллюзорность всесилия мирской власти и безграничное могущество Святости, определяющей понятие гуманизма. Повторы актуализируют интертекстуальные связи и фольклорные мотивы, сближая стихотворение с народными балладами и сказаниями. Таким образом, смысл, рожденный в тексте, переходит в метасмысл в рамках пространства индивидуальной рефлексивной реальности.

В отличие от институциональных типов дискурса поэзия развивает слово, отражая исторические связи прошлого и настоящего, связь типов дискурса, накапливая смысловой потенциал и преобразуя восприятие универсума, в котором внутренний мир обретает предметность и/или персонифицируется. Используя оценочную лексику, автор демонстрирует превосходящую значимость внутреннего мира по отношению к физическому пространству:

*Du meine heilige Einsamkeit,
du bist so reich und rein und weit
wie ein erwachender Garten.
Meine heilige Einsamkeit du -
halte die goldenen Türen zu,
vor denen die Wünsche warten.*

(R. M. Rilke [19].)

*О, одиночество, ты свято,
чисто, безмерно и богато,
как сад проснувшийся с зарей.
О, одиночество святое,
Укрой за дверью золотою,
не дай владеть желаньям мной.*

(Перевод Н. Самойлова [20].)

Определение *heilig* (святой, священный) фиксирует и предустанавливает рамки понимания текста в пространстве, сопряженном с религиозным дискурсом. Последующие определения основополагающего концепта текста *Einsamkeit* (одиночество, уединение), включающие *reich*, *rein*, *weit*, *golden* (*die goldenen Türen*) и повторяющееся обращение (*du*), характерное для молитвенного дискурса, позволяют сравнить базовый концепт с Храмом, а процесс и возможность мышления, личностного осмыслиения взаимодействия человека – с чрезвычайно важным и глубоко личностным миром. Повтор (*meine heilige Einsamkeit*), сравнение (*heilige Einsamkeit ... wie ein erwachender Garten*), персонификации (*die Wünsche warten, ein erwachender Garten*) и другие приемы утверждают приоритет интеллектуального нравственного бытия по отношению к физическому, признание ценности внутреннего свободного развития как блага.

Поэзия в совокупности с прозаическим дискурсом противостоит динамике, демонстрируя единство динамики и статики: изменчивость лексических значений, образов и статичность смыслов и концептосферы гуманизма:

*Стихи мои, птенцы, наследники,
Душеприказчики, истицы,
Молчальники и собеседники,
Смиренники и гордецы!*
(А. Тарковский [9, с. 64].)

В качестве одного из ярких примеров поэтического словотворчества в совокупности со статичной аксиологических доминант можно рассмотреть отрывок из «Дунских элегий» Р. М. Рильке:

*Frühe Geglückte, ihr Verwöhnten der Schöpfung,
Hohenzüge, morgenrötliche Grate
aller Erschaffung, – Pollen der blühenden Gottheit,
Gelenke des Lichtes, Gänge, Treppen, Throne,
Räume aus Wesen, Schilder aus Wonne, Tumulte
stürmisch entzückten Gefühls*
(R. M. Rilke [10, с. 255].)

*Ранние счастливцы, баловни творения,
горные цепи, предрассветные вестники
всех созданий, – пыльца цветущей божественности,
запястья света, ступени, лестницы, престолы,
просторы плоти, щиты блаженства, вихри
бурно восторженных чувств.*
(Перевод В. Куприянова [21].)

Сопряжение ряда сложных синестезийных образов, базирующихся на аксиологических категориях счастья, творения/творчества, совершенства, рождения/воздрождения, надежды и других, нацелено на репрезентацию понимания абсолютного совершенства, символически представленного в элегиях посредством ангела (*Engel, Engel Ordnungen*). Созданные поэтическим мышлением посредством перечисления образы демонстрируют возможности развития слова, преодоления словарных значений, закрепленных с их помощью мыслительных систем и стереотипных логических взаимосвязей. Также открывается возможность переосмыслиения междискурсивных границ и включение в пространство интерпретации текста опыта и аксиологических приоритетов иных персональных и институциональных типов дискурса.

Сохраняя наряду с культурным кодом языковую специфику, поэзия демонстрирует приверженность всех культур единым общечеловеческим ценностям, повторяя идею о том, что верность гуманистическим идеям лежит в основе существования человека.

*Все на земле живет порукой круговой:
Созвездье, и земля, и человек, и птица.
А кто служил добру, летит вниз головой
В их омут царственный,
и смерти не боится.*

(А. Тарковский [9, с. 366].)

Поэтические аллегории позволяют сфокусировать внимание на отдельных аспектах концептосфры духовности, нравственности и человеколюбия. Р. А. Лэнхэм связывает риторическую силу аллегории с особенностью человеческого восприятия как разновидностью референциального мышления, заставляющего восприятие мира чередоваться с концептуальным анализом [22, р. 5–6]. Г. Г. Хазагеров справедливо отмечает важность понимания «культурного шлейфа» аллегории [23, с. 77], Ф. Б. Щербаков акцентирует внимание на зашифрованном философском/научном/этическом знании, репрезентируемом аллегорическими образами [24, с. 183]. Например, образ Сократа в стихотворении А. Тарковского выступает как аллегория мудрости.

СОКРАТ

*Я не хочу **ни власти** над людьми,
ни почестей, ни войн победоносных.
Пусть я застыну, как смола на соснах,
Но я **не царь**, я из другой семьи.
Дано и вам, мою цикуту пьющим,
Пригубить немоту и глухоту.
Мне рушище раба **не по хребту**,
Я не один, но мы еще в грядущем.
Я плоть от вашей плоти, высота
Всех гор земных и глубина морская.
Как раковину мир переполня,
Шумит по-олимпийски пустота.*

(А. Тарковский [9, с. 82].)

Антитеза (эксплицитная и имплицитная, представленная через отрицание), переходящая в оксюморон, демонстрирует систему ценностей, отличную от предполагаемой общепринятой. Формы отрицания утверждают эфемерность земной власти, славы, почитания земных заслуг (*ни власти, ни почестей, ни войн победоносных*) и вечность мира (*Я плоть от вашей плоти, высота/ Всех гор земных и глубина морская*). В интертекстуальном пространстве формируется связь текста со скульптурными и живописными образами (пьедестал памятника Николаю I в Санкт-Петербурге, аллегории мудрости/благородства в живописи Тициана, П. Веронезе, Р. Реньери, М. Иванова и др.).

Особое внимание авторами уделяется роли слова, рождающего миры и пространства духовного бытия человека и человечества. Языковые средства (аллитерация, анафора, по-

втор, сравнение, метафора, эпитет, параллелизм, антитеза, синестезия и др.) в совокупности апеллируют к переосмыслению привычной связи понятий и категорий.

СЛОВАРЬ

*Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льяные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.
Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам — боль моя и благо —
Ключей подземных ледяная влага,
Все эР и эЛЬ **святого** языка.*

(А. Тарковский [9, с. 192].)

Многоплановое пространство поэтического текста формирует многогранное полилогическое пространство дискурса, образующее безграничную палитру интертекстуальных связей, смыслов и метасмыслов:

*This is my letter to the World
That never wrote to Me –
The simple News that Nature told –
With tender Majesty
Her Message is committed
To Hands I cannot see –
For love of Her – Sweet – countrymen –
Judge tenderly – of Me.*

(E. Dickinson [13, с. 2].)

В поэтическом дискурсе полилогическое пространство, нацеленное на обмен мнениями, идеями или информацией между разными субъектами преобразуется и трансформируется, расширяя посредством образной и смысловой палитр проблематику и виды диалога [25], но сохраняя при этом когнитивный субстрат языка [26], основной спектр языкового функционирования (коммуникативную, мыслеформирующую, кумулятивную и моделирующую функции) и аксиологические доминанты, некоторые из которых, например, символически представлены в тексте Э. Дикинсон: *World, Nature, Love, Letter*.

Назначенность на комплексное отражение разных сторон многогранного мира определяет стремление поэтических текстов к циклизации. Книги стихов раскрывают поэтический авторский взгляд на мир как систему, распределить которую позволяет частотный словарь, выявление тематических групп и ключевых слов, которые, как правило, демонстрируют ди-хотомию «физический мир – духовный мир» и пространство внутреннего развития как восхождение к духовному абсолюту. Так, например, изучение лексики книги стихов «Вестник» А. Тарковского [9, с. 285–323] позволяет назвать ключевыми следующие имена существительные: *свет, дом, крыло, слово, земля, звезда, душа*. В результате анализа частотного словаря открываются бинарные оппозиции, заложенные у человека на подсознательном уровне

и соотносимые с синергетическими понятиями симметрии и асимметрии, формирующие концепты и антиконцепты, базирующиеся на переживании степени соответствия жизни воображаемому идеалу [27, с. 8–10]. Концептосфера предстает как вертикальное пространство восхождения на базе кристаллизации смысла между аксиологическими доминантами земля, которая символизирует физическое бытие, и звезды, репрезентирующей счастье духовного бытия [28].

В индивидуально-авторском мире «Книги образов» Р. М. Рильке [10, с. 163–180] концепты *Himmel* и *Welt* также выступают в качестве бинарной оппозиции и определяют пространство восхождения, в котором основными доминантами являются: *Gott, Engel, Leben, Liebende, Geliebte, Ding, Einsamkeit, Hand*.

Поэтический текст и книга стихов предстают как поиск пути к внутренней гармонии, состоящей в балансе физического и духовного, рационального и эмоционального в универсуме человеческого бытия:

Who has not found the Heaven – below –

Will fail of it above –

For Angels rent the House next ours,

Wherever we remove.

(E. Dickinson [13, с. 6].)

Заключение. Таким образом, поэтический дискурс представляет собой сложное структурно-семантическое образование, кардинальным образом отличающееся от институциональных типов дискурса. Поэтическое пространство формирует альтернативную реальность человека, имеющую большой спектр функций, включающих мыслительную функцию, эстетическую функцию, прогнозирующую функцию, деонтическую функцию и др. Аксиологическая сфера поэзии определяет совокупность гуманистических правил бытия, обуславливающих его нацеленность на развитие, творчество, поиск смысла и гармонии в умении увидеть связь процессов и явлений, красок и сторон мироздания, их взаимозависимость и единство. Языковая специфика, опирающаяся на синергию взаимодействующих языковых уровней, направлена на противостояние клишированности восприятия мира, привлечение творческого видения мироздания, лежащего в основе идей трансформации, преобразования в согласии с ценностными константами бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Поэтика / пер. Н. И. Новосадского. М.: Академия, 1927.
2. Якобсон Р. Работы по поэтике: переводы. М.: Прогресс, 1987.
3. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
4. Литвинов В. П. Гуманитарная философия Г. П. Щедровицкого. М.: Ин-т развития им. Г. П. Щедровицкого, 2008.
5. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии // Cult-lib.ru. URL: <https://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm?ysclid=mh7q9tw7bg726239028> (дата обращения: 12.02.2025).
6. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. Волгоград: Парадигма, 2012.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
8. Алефиренко Н. Ф. Лирикопрозаический речевой жанр: феноменологическое обоснование // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 12 (131), вып. 14. С. 5–11.

9. Тарковский А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Стихотворения / сост. Т. Озерская-Тарковская. М.: Худож. лит., 1991.
10. Рильке Р. М. Лирика / сост. и предисл. А. В. Карельского. М.: Прогресс, 1981.
11. Рильке Р. М. Я дома / перс. с нем. О. Лебединской. 2023 // Поэзия.ру. URL: <https://poezia.ru/works/177944> (дата обращения: 14.02.2025).
12. Рильке Р. М. Я дома между вечером и днем / пер. с нем. А. Равиковича. 2016 // Стихи.ру. URL: <https://stihy.ru/2016/06/01/5844> (дата обращения: 14.02.2025).
13. The poems of Emily Dickinson / ed. by M. Dickinson Bianchi, A. Leete Hampson. Boston: Little, Brown and Company, 1930.
14. Богин Г. И. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2001.
15. Дикинсон Э. Душа сама избирает свое общество / пер. с англ. Е. Камаевой. 2014. // Стихи.ру. URL: <https://stihy.ru/2014/02/17/6200> (дата обращения: 14.02.2025).
16. Дикинсон Э. Избранные переводы / пер. Б. Львова, 1997 // Чертовы кулички. URL: <http://www.kulichki.com/moshkow/POEZIQ/DIKINSON/stih3.txt> (дата обращения: 14.02.2025).
17. Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академ. проект, 2004.
18. Макеева И. И. Древнейшие славянские рукописи с чудесами Николая Мирликийского. К проблеме славянского перевода // Добрый кормчий: почитание святителя Николая в христианском мире. М.: Скиния, 2011. С. 176–187.
19. Rilke R. M. Advent // Rilke.pl. URL: <https://rilke.pl/advent> (дата обращения: 16.02.2025).
20. Рильке Р. М. Одиночество / пер. с нем. Н. Самойлова. 2017 // Стихи.ру. URL: <https://stihy.ru/2017/05/28/1442> (дата обращения: 16.02.2025).
21. Рильке Р. М. Дуинские элегии / пер. с нем. В. Куприянова. 2007 // Поэзия.ру. URL: <https://poezia.ru/works/54805> (дата обращения: 16.02.2025).
22. Lanham R. A. A Handlist of Rhetorical Terms. LA: Univ. of California Press, 1991.
23. Хазагеров Г. Г. Неясности в теории аллегории и символа // Вестн. ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 4 (42). С. 76–84.
24. Щербаков Ф. Б. Аллегорическая интерпретация мифа: «сшить» слово и вещь // Вестн. ТвГУ. Сер. Философия. 2019. № 1 (47). С. 178–189.
25. Литвинов В. П. Полилогос: проблемное поле. Опыт первый. Опыт второй. Тольятти: Междунар. акад. бизнеса и банк. дела, 1997.
26. Савицкая Е. В. Когнитивный субстрат семантической системы языка и языкового мышления: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / ВГСПУ. Волгоград, 2025.
27. Воркачев С. Г. О свойствах страсти: семантическое единство « страсть – бесстрастие » в лингвокультуре. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2024.
28. Черкасова И. П. Лингвоаксиологическая система книги стихов А. Тарковского «Вестник» // Современный ученый. 2023. № 5. С. 76–82.

Информация об авторе.

Черкасова Инна Петровна – доктор филологических наук (2007), профессор (2025), профессор кафедры иностранных языков Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ), Россия, ул. Земляной Вал, д. 73, Москва, 109004, Россия. Автор более 160 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, лингвоконцептология, филологическая герменевтика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 14.05.2025; принята после рецензирования 08.10.2025; опубликована онлайн 22.12.2025.

REFERENCES

1. Aristotle (1927), *La Poétique*, Transl. by Novosadskii, N.I., Akademia, Moscow, USSR.
2. Jakobson, R. (1987), *Raboty po poehtike: perevody* [Works on poetics: Translations], Progress, Moscow, USSR.
3. Potebnya, A.A. (1976), *Ehstetika i poehtika* [Aesthetics and poetics], Iskusstvo, Moscow, USSR.
4. Litvinov, V.P. (2008), *Gumanitarnaya filosofiya G. P. Shchedrovitskogo* [The humanitarian philosophy of G.P. Shchedrovitsky], In-t razvitiya im. G. P. Shchedrovitskogo, Moscow, RUS.
5. Kononenko, B.I. (2003), *Bol'shoi tolkovyi slovar' po kul'turologii* [A large explanatory dictionary of cultural studies], *Cult-lib.ru*, available at: <https://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm?ysclid=mh7q9tw7bg726239028> (accessed 12.02.2025).
6. Karasik, V.I. (2012), *Yazykovaya matritsa kul'tury* [The linguistic matrix of culture], Paradigma, Volgograd, RUS.
7. Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Peremen, Volgograd, RUS.
8. Alefirenko, N.F. (2012), "Lyric and prosaic genre of speech: phenomenological reasoning", *Belgorod State Univ. Scientific bulletin. Humanities*, no. 12 (131), iss. 14, pp. 5–11.
9. Tarkovskii, A. (1991), *Sobranie sochinenij* [Collected Works], in 3 vols., vol. 1 *Stixotvoreniya* [Poems], comp. T. Ozerskaya-Tarkovskaya, Xudozh. lit., Moscow, USSR.
10. Rilke, R.M. (1981), *Lirika* [Lyrics], comp. Karel'skiy, A.V., Progress, Moscow, USSR.
11. Rilke, R.M. (2023), "Ich bin zu Hause", Transl. by Lebedinskaya, O., *Poezия.ru*, available at: <https://poezия.ru/works/177944> (accessed 14.02.2025).
12. Rilke, R. M. (2016), "Ich bin zu Hause zwischen Tag und Traum", Transl. by Ravikovich, A., *Stihi.ru*, available at: <https://stihi.ru/2016/06/01/5844> (accessed 14.02.2025).
13. *The poems of Emily Dickinson* (1930), in Dickinson Bianchi, M. and Leete Hampson, A. (eds.), Little, Brown and Company, Boston, USA.
14. Bogin, G.I. (2001), *Obretenie sposobnosti ponimat': vvedenie v filologicheskuyu germenevtiku* [Acquiring the ability to understand: An introduction to philological hermeneutics], Tver State Univ., Tver, RUS.
15. Dickinson, E. (2014), "The Soul Selects Her Own Society", Transl. by Kamaeva, E., *Stihi.ru*, available at: <https://stihi.ru/2014/02/17/6200> (accessed 14.02.2025).
16. Dickinson, E. (1997), "The Complete Poems", Transl. by L'vov, B., *Chertovy Kulichki*, available at: <http://www.kulichki.com/moshkow/POEZIQ/DIKINSON/stihi3.txt> (accessed 14.02.2025).
17. Sluchevskii, K.K. (2004), *Stikhotvoreniya i poehmy* [Verses and poems], Akadem. proekt, SPb., RUS.
18. Makeeva, I.I. (2011), "The most ancient Slavic manuscripts with the miracles of Nicholas of Myra. On the problem of Slavic translation", *Dobryi kormchii: Pochitanie svyatitelya Nikolaya v khristianskom mire* [The Good Helmsman: The veneration of St. Nicholas in the Christian world], Skiniya, Moscow, RUS, pp. 176–187.
19. Rilke, R.M. (2025), "Advent", *Rilke.pl*, available at: <https://rilke.pl/advent> (accessed 16.02.2025).
20. Rilke, R.M. (2017), "Einsamkeit", Transl. by Samoilov, N., *Stihi.ru*, available at: <https://stihi.ru/2017/05/28/1442> (accessed 16.02.2025).
21. Rilke, R.M. (2007), "Duineser Elegien", Transl. by Kupriyanov, V., *Poezия.ru*, available at: <https://poezия.ru/works/54805> (accessed 16.02.2025).
22. Lanham, R.A. (1991), *A Handlist of rhetorical terms*, Univ. of California Press, LA, USA.
23. Khazagerov, G.G. (2022), "Uncertainties in the Theory of Allegory and Symbol", *Vestnik KGU im. N. F. Katanova*, no. 4 (42), pp. 76–84.
24. Shcherbakov, F.B. (2019), "Allegorical interpretation of myth: to "sew" a word and a thing", *Vestnik Tver State Univ. Ser. Philosophy*, no. 1 (47), pp. 178–189.

25. Litvinov, V.P. (1997), *Polilogos: problemnoe pole. Opyt pervyi. Opyt vtoroi* [Polylogos: a problematic field. The first experience. The second experience], Mezhdunar. akad. biznesa i bank. Dela, Tol'yatti, RUS.

26. Savitskaya, E.V. (2025), "The cognitive substrate of the semantic system of language and linguistic thinking", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, VSSPU, Volgograd, RUS.

27. Vorkachev, S.G. (2024), *O svoistvakh strasti: semanticheskoe edinstvo strast' – besstrastie v lingvokul'ture* [On the properties of passion: the semantic unity of passion and dispassion in linguoculture], Izd-vo KubSTU, Krasnodar, RUS.

28. Cherkasova, I.P. (2023), "linguo-Axiological System of A. Tarkovsky's Poetry Book "Vestnik""", *Modern Scientist*, no. 5, pp. 76–82.

Information about the author.

Inna P. Cherkasova – Dr. Sci. (Philology, 2007), Professor (2025), Professor at the Department of Foreign Languages, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), 73 Zemlyanoy Val str., Moscow 109004, Russia. The author of over 160 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, cognitive linguistics, linguoconceptology, philological hermeneutics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 14.05.2025; adopted after review 08.10.2025; published online 22.12.2025.